

В университете нередко встречались богатые люди, так что не было особой нужды так уж поражаться этому. Однако Кан Янь отличался от других — всё, что он носил, надевал и использовал, было товарами класса люкс, некоторые даже лимитированными выпусками. Те, кто разбирался, взглянув на часы на запястье Кан Яня, говорили, что одни эти часы стоят почти как целая квартира. Пекинская квартира.

Если присмотреться, можно было заметить, что лимитированные вещи, о которых другие могли только мечтать, Кан Янь использовал с лёгкостью, словно обычные предметы. Вот это и есть настоящая харизма.

Кан Янь не знал, что о нём думают окружающие, да и не придавал бы этому значения, даже если бы узнал. Дядюшка Дуань говорил, что если вещами не пользоваться, они теряют ценность. К тому же дома скопилось столько подарков, если он не будет их использовать, дядюшке Дуаню придётся тратить деньги на покупку других вещей для него, так что лучше уж использовать всё по назначению.

В ту пятницу у Кан Яня после обеда были базовые занятия, после которых можно было ехать домой.

Гао Мэнмэн стояла у входа в общежитие с большим рюкзаком за плечами. Спускавшиеся и поднимающиеся мимо парни невольно задерживали на ней взгляд, некоторые знакомые здоровались.

— Гао Мэнмэн, опять ждёшь Кан Яня?

— Угу, — кивала Гао Мэнмэн.

— Я поднимусь, позову его.

— Спасибо, только не торопи его, я не спешу, — Гао Мэнмэн защищала Кан Яня, как наседка цыплят, это уже было общеизвестным фактом на факультете живописи маслом. Поначалу некоторые однокурсники ошибочно принимали их за парня и девушку, но позже, без лишних объяснений, стало ясно, что они просто друзья. Хотя сказать «просто друзья» было не совсем верно — Гао Мэнмэн относилась к Кан Яню по-матерински. Некоторые парни завидовали, говоря, что им тоже не хватает любви, почему у них нет такой красивой подружки-мамочки.

Кто-то отвечал, что для начала тебе нужно иметь хотя бы внешность и происхождение Кан Яня.

Гао Мэнмэн прождала недолго, первым спустился Сунь Бинь. Все трое поступили в Центральную академию художеств, Фэн Юйцзин уехал учиться за границу.

— Если тебе срочно, позвони Канкану, разве тебе не холодно тут стоять? — спросил Сунь Бинь.

В последнее время погода в Пекине переменилась, скоро Национальный праздник, а тут вдруг дождь и похолодало. Сегодня небо хмурое, а Гао Мэнмэн была в футболке и джинсах, с хвостиком, даже без макияжа выглядела очень мило. Она беспечно ответила:

— У меня на душе жарко, не холодно. Только что из мастерской, хочу кое о чём спросить Канкана, — и хихикнула.

— О чём? — Сунь Бинь знал Гао Мэнмэн лучше, чем Кан Янь, и её смех вызывал у него лёгкую дрожь. Он прямо сказал:

— Не смейся так, мне страшно становится, всё нормально.

Гао Мэнмэн мгновенно сменила выражение лица.

— В нашей мастерской есть одна девочка, которая очень симпатизирует Канкану...

— Охренеть, Гао Мэнмэн, да ты настоящая сваха! — Сунь Бинь остолбенел.

Гао Мэнмэн бросила на него неодобрительный взгляд и с досадой сказала:

— Я не такая сплетница. Просто эта девочка действительно красивая и хорошая, честно. Да и характер прямой. Спрашивает, можно ли на праздники устроить большую встречу, всем вместе куда-нибудь съездить. Если у Канкана нет такого настроения, она оставит надежды.

Сунь Бинь всё ещё не мог прийти в себя, с выражением лица «это непросто» сказал:

— Думаю, шансов мало. Канкан говорил, что не будет рано заводить отношения.

Гао Мэнмэн рассмеялась.

— Канкану почти девятнадцать, какое ещё рано? Дети взрослеют, пора уже и о любви подумать, а то как-то неправильно, — тоном старшей заботливой родственницы.

— Думаю, тебе не стоит лезть не в своё дело. Канкан в этой сфере всегда был довольно бесчувственным, — пытался отговорить Сунь Бинь.

Гао Мэнмэн кивнула.

— Я не собираюсь заставлять его делать выбор. Ты же знаешь, после того как Канкан пришёл в университет, многие девочки обратили на него внимание, пытались через меня выяснить отношения. Я ни разу не соглашалась. Просто в этот раз... В общем, просто сходим куда-нибудь развлечься, в горы, или что-то в этом роде.

Сунь Бинь знал о такой ситуации — не только девочки обращались к Гао Мэнмэн, но и к нему самому.

Вскоре спустился Кан Янь. Гао Мэнмэн сначала хотела просто сказать про поездку на праздники, но подумала и решила честно во всём признаться. Услышав, Кан Янь инстинктивно сразу отказался.

— Дядя не разрешает мне рано заводить отношения.

Сунь Бинь рассмеялся, он так и знал. Гао Мэнмэн опешила, затем с покорностью сказала:

— Канкан, тебе почти девятнадцать, разве тебе не хочется отношений в таком возрасте?

— Не хочется, — покачал головой Кан Янь. Он не углублялся в размышления, почему ему не хочется встречаться с девушками. Просто раз дядюшка Дуань запретил, значит, нельзя.

— Ладно, я потом передам. Но, Канкан, на праздники мы всё же можем куда-нибудь съездить?

— С этим проблем нет, — охотно кивнул Кан Янь.

После занятий во второй половине дня за ним приехал Сяо Лю.

Кан Янь, сев в машину, сразу спросил:

— Как поживает дядя? Как недавно Канбао?

— Вы же с боссом каждый день созваниваетесь, а ты ещё у меня спрашиваешь? Канкан, я знаю даже меньше тебя, — пошутил Сяо Лю. Спросил:

— Как жизнь в университете? Никто не обижает?

— Никто не обижает, все очень хорошие, — ответил Кан Янь, и это была правда.

На первом курсе в первом семестре Кан Янь обязан был жить в общежитии. У Дуань Цифэна были возможности освободить ребёнка от этого, но он подумал, что ребёнок уже взрослый, ему нужна здоровая социальная среда, слишком много вмешиваться нехорошо, ребёнок должен становиться самостоятельным. Так-то оно так, но когда Кан Янь в первый день заселялся в общежитие, действия Дуань Цифэна отнюдь не способствовали самостоятельности Кан Яня.

Он приехал с дворецким, застелил кровать, развесил одежду, прибрал на столе. Дуань Цифэн ещё окинул оценивающим взглядом трёх других соседей по комнате.

Те трое сначала думали, что новый сосед слишком изнеженный, настоящий мужчина ли он? Но под взглядом Дуань Цифэна все их мысли мгновенно испарились.

Кан Янь прожил в общежитии два месяца, возвращаясь домой по пятницам и приезжая обратно в понедельник. Даже так поначалу было непривычно, не из-за условий, а потому что очень скучал по дядюшке Дуаню. Он не знал, что Дуань Цифэну тоже было непросто.

Раньше, возвращаясь вовремя на виллу, он хотел видеть ребёнка, знал, что если задержится, ребёнок будет ждать. Теперь, приезжая пораньше, дома было пусто, не было детской улыбки. После ужина обычно было время для общения с ребёнком, а теперь он сидел на диване в гостиной и не знал, чем заняться.

В конце концов, Кан Янь не выдержал и начал ежедневно отправлять сообщения в WeChat, спрашивая, как поживает дядя, что он сегодня выучил. После восьми вечера, с полностью заряженным телефоном, он выходил позвонить дядюшке Дуаню. Он боялся мешать соседям и что его разговор услышат, поэтому специально ходил на спортивную площадку или в рощу, и разговоры длились по часу.

Сейчас в машине он спрашивал Сяо Лю, и действительно, как тот и сказал: Кан Янь каждый день так общался с боссом, Сяо Лю знал даже меньше него.

— Это другое, ты можешь видеть, хорошо ли выглядит дядя, — сказал Кан Янь.

Сяо Лю подумал, что это верно, вспомнил выражение лица босса утром и уверенно сказал:

— Настроение у босса хорошее, особенно сегодня он очень рад, наверное, потому что ты возвращаешься.

Кан Янь не знал почему, но эти слова обрадовали его.

После обеда Дуань Цифэн ушёл из компании пораньше и купил по дороге любимый ребёнком торт.

Новые сотрудники удивлялись: президент обычно очень занят, никогда не уходил так рано,

почему же каждую пятницу он уезжает раньше? Ассистент уже привык:

— Сегодня пятница, молодой господин возвращается после занятий. Президент едет домой воспитывать ребёнка.

— А?! У президента есть ребёнок?

Ассистент бросил взгляд на новичка, понимая, о чём тот думает, и сказал:

— Забудь, босс очень любит молодого господина.

Кан Янь вернулся рано, сначала поиграл с Дуань Канбао. Канбао снова подрос, выглядел величественно, держал в зубах свою игрушечный мяч и радостно подбежал к Кан Яню, явно намереваясь поиграть. Кан Янь бросил мяч, Дуань Канбао с сияющими глазами помчался за ним, подхватил зубами и затопал обратно, бесконечно счастливый.

Дуань Цифэн, вернувшись и не обнаружив ребёнка дома, выражение лица не изменил. Дворецкий, приняв торт, заметил это и сказал:

— Господин Кан на заднем дворе играет с Канбао.

— Хм, — выражение лица Дуань Цифэна осталось неизменным, только он, даже не переодевшись, направился в задний сад.

Ещё не дойдя, он услышал детский смех:

— Канбао, иди сюда, Канбао, бросаю, Канбао, давай.

Лицо Дуань Цифэна невольно смягчилось. Подумал, что он и правда похож на ребёнка, который не хочет взрослеть.

Кан Янь, поиграв с Дуань Канбао в мяч, немного вспотел, передал мяч Сяо Лю, чтобы тот поиграл с псом. Сам поднялся, обернулся и увидел дядю. Не сдержав волнения, радостно подбежал:

— Дядя, ты вернулся?

— Угу, сегодня дел было мало, — Дуань Цифэн погладил ребёнка по голове, там был лёгкий пот. Сказал:

— Сначала иди, прими душ, переоденься, чтобы не простудиться.

Раньше, поиграв с Дуань Канбао, Кан Янь не решался прикоснуться к дядюшке Дуаню. Но сейчас Кан Янь, соскучившись по дяде, уже не стеснялся этого. Дуань Цифэн вообще не обращал на такие вещи внимания — разве ребёнок мог быть грязным?

Исправлены оставшиеся англицизмы ("lately" заменено на "недавно"), приведены к единому стандарту оформления диалогов с использованием длинного тире. Убедился, что все термины из глоссария использованы корректно.